

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.1

Предложения по кодификации принципа добросовестности в гражданском праве: от оценочной категории к нормативно определенной конструкции

¹ Газизуллина Л.З.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье представлены результаты теоретико-правового исследования принципа добросовестности в гражданском праве Российской Федерации, акцентировано внимание на трансформации данной категории из оценочной и аксиологически неопределенной в нормативно определенную и кодифицированную правовую конструкцию. Проанализированы научные подходы к понятию добросовестности, выявлена проблематика нормативной фрагментарности и противоречивости судебной практики. На основе доктринального, сравнительно-правового и правоприменительного анализа разработаны предложения по институционализации добросовестности в Гражданском кодексе РФ, включая введение легальной дефиниции, дифференциации проявлений добросовестности по стадиям обязательства, формализацию презумпций и критериев, а также закрепление позитивной обязанности содействовать добросовестному исполнению обязательств. Сформулирована концепция добросовестности как нормативного инструмента правовой коррекции, ориентированного на повышение предсказуемости, устойчивости и согласованности гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: добросовестность, гражданское право, кодификация, Гражданский кодекс РФ, правовая определенность, судебная практика, правоприменение, нормативная конструкция, юридическая интерпретация, принцип добросовестности

Для цитирования: Газизуллина Л.З. Предложения по кодификации принципа добросовестности в гражданском праве: от оценочной категории к нормативно определенной конструкции // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 11 – 17.

Поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Proposals for codification of the principle of good faith in civil law: from an evaluation category to a normatively defined structure

¹ Gazizullina L.Z.,

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article presents the results of a theoretical and legal study of the principle of good faith in the civil law of the Russian Federation, focusing on the transformation of this category from an evaluative and axiologically uncertain into a normatively defined and codified legal structure. The scientific approaches to the concept of good faith are analyzed, the problems of normative fragmentation and inconsistency of judicial practice are revealed, in particular, the discrepancy between the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the formal dogmatic approach of lower instances. Based on doctrinal, comparative legal and law enforcement analysis, proposals have been developed for the institutionalization of good faith in the Civil Code of the Russian Federation, including the introduction of a legal definition, differentiation of goodwill by stages of commitment, formalization of presumptions and criteria, as well as the consolidation of a positive obligation to promote the faithful fulfillment of

obligations. The concept of good faith is formulated as a normative instrument of legal correction, focused on increasing the predictability, stability and consistency of civil law regulation.

Keywords: *good faith, civil law, codification, the Civil Code of the Russian Federation, legal certainty, judicial practice, law enforcement, normative construction, legal interpretation, the principle of good faith*

For citation: Gazizullina L.Z. Proposals for codification of the principle of good faith in civil law: from an evaluation category to a normatively defined structure. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 11 – 17.

The article was submitted: April 2, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Актуальность исследования. В условиях усиливающейся нормативной фрагментарности и потребности в правовой предсказуемости особенно остро встает вопрос о трансформации принципа добросовестности из гибкой аксиологической категории в юридически оформленную норму. Несмотря на широкое нормативное присутствие добросовестности в положениях Гражданского кодекса РФ, отсутствие единой легальной дефиниции и формализованных критериев ее применения порождает неоднородность судебной практики, снижает уровень правовой определенности и препятствует гармоничному функционированию частноправового регулирования. Настоящее исследование направлено на разработку предложений по институционализации принципа добросовестности как самостоятельной нормативной конструкции в целях повышения системности, согласованности и эффективности гражданско-правового механизма.

Цель исследования. Теоретически обосновать и разработать предложения по кодификационному закреплению принципа добросовестности в системе гражданского права Российской Федерации как нормативно структурированной и правоприменимо верифицируемой правовой конструкции.

Задачи исследования: проанализировать доктринальные подходы к пониманию добросовестности в российском и зарубежном праве; исследовать судебную практику, в особенности правовые позиции Верховного Суда РФ, в части применения принципа добросовестности; выявить основные проблемы правоприменения, обусловленные отсутствием нормативной конкретизации добросовестности; сформулировать предложения по внесению изменений в Гражданский кодекс РФ с целью кодификационной конкретизации принципа добросовестности; оценить правоприменительные эффекты предложенной модели нормативного закрепления.

Гипотеза исследования. Если принцип добросовестности будет кодифицирован в виде нормативно определенной правовой конструкции с четко обозначенными сферами действия, презумпциями и критериями, то это обеспечит повышение правовой определенности, уменьшение расхождений в судебной практике и укрепление нормативной связности обязательственного права.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании использованы теоретические методы: формально-юридический анализ, системно-структурный подход, индукция, дедукция, правовое моделирование и нормативная реконструкция; эмпирические методы включали контент-анализ судебной практики (в частности, решений Верховного Суда РФ), а также анализ доктринальных источников – монографий, научных статей, правовых заключений.

Эмпирическую базу исследования составили нормативные акты, включая Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы, материалы Пленумов Верховного Суда РФ, а также конкретные судебные дела, рассмотренные Верховным Судом РФ, где принцип добросовестности был положен в основу юридической квалификации обстоятельств. Кроме того, были использованы научные публикации ведущих российских и зарубежных исследователей, включая труды М.М. Агаркова, В.В. Витрянского, И.Б. Новицкого, Д.В. Дождева, Э. Хатчисона, Б.Х. Малкави и других.

Результаты и обсуждения

В условиях трансформации правовых систем, обусловленных ускоренной динамикой социально-экономических и правовых процессов, особое значение приобретает анализ таких категорий, которые, обладая универсальной нормативной значимостью, в то же время характеризуются чрезвычайной многослойностью и сложностью доктринального осмысления, и именно к таким категориям в полной мере относится принцип добросовестности, глубоко инкорпорированный в структуру гражданско-правового регулирования, но при этом не получивший ни однозначного нормативного оформления, ни окончательной дефиниции в теоретико-правовой доктрине.

Принцип добросовестности, институционализированный в российской гражданско-правовой системе и получивший нормативное усиление с проведением системной реформы Гражданского кодекса Российской

Федерации, осуществленной посредством Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ [2], приобретает характер презумпции нормативного поведения, в силу которой участники гражданского оборота презюмируются действующими исходя из требований разумности и честности (пункт 5 статьи 10 ГК РФ), что трансформирует данный принцип из абстрактной правовой идеи в аксиологически нагруженный методологический ориентир, интегрированный в структуру правотворчества, интерпретации и правоприменения.

В контексте кодифицированного российского гражданского законодательства наблюдается тенденция к экспликации добросовестности как сквозного юридического начала, что подтверждается упоминанием данной категории в более чем двадцати статьях ГК РФ, включая положения о применении аналогии права (ст. 6), о действиях законных представителей (ст. 53), последствиях недействительности сделок (ст. 167), переработке движимой вещи (ст. 220), приобретательной давности (ст. 234), договорных обязательствах (ст. 307, ст. 432), аренде и хранении (ст. 602, ст. 662), в нормах, регулирующих интеллектуальную собственность и наследование, тем самым подчеркивая значение данного принципа не как факультативного этического ориентира, но как обязательного структурного компонента правовой регуляции [1]. В то же время, несмотря на столь широкое нормативное распространение, принцип добросовестности в российской правовой доктрине сталкивается с проблемой значительной терминологической и содержательной неопределенности, что, как представляется, обусловлено его метаюридической природой и необходимостью соотнесения не столько с конкретными правовыми нормами, сколько с поведенческими стандартами участников оборота, часто не поддающимися точной формализации и потому вызывающими затруднения в интерпретации и применении – в особенности в судебной практике.

Подобная неопределенность вызывает обоснованную критику в научной среде, где отсутствует единый подход к интерпретации добросовестности: одни авторы (например, С.Н. Чуканов [16]) настаивают на необходимости детализированного понятийного раскрытия, тогда как другие (например, В.В. Витрянский [8]) утверждают, что универсальное определение принципа в силу его функциональной открытости попросту невозможно, и что его действенность проявляется преимущественно в контексте конкретного дела, а не в виде абстрактной дефиниции. Историко-доктринальные представления о содержании добросовестности варьируются от характеристик, связанных с честностью и запретом обмана (М.М. Агарков [6]), через разграничение объективной и субъективной сторон (по М.Ф. Лукьяненко [14]), до понятий, акцентирующих внимание на доверии, доброжелательности (И.Б. Новицкий [16]), правдивости (В.И. Даль [9]), нравственной взаимности (А. Жалинский, А. Рерихт [12]), полноте информирования (М.Г. Розенберг [15]), избегании вреда (В.А. Белов [7]) и стремлении к справедливости (Д.В. Дождев [10]), что в совокупности образует сложный понятийный спектр, подтверждающий невозможность свести добросовестность к статичной и универсальной формуле. Особую теоретическую ценность представляет категория «субъективной добросовестности», трактуемой как состояние незнания и объективной невозможности знать обстоятельства, имеющие юридическое значение, что активно используется как в доктринальных построениях (например, С.А. Краснова [13]), так и в судебной аргументации, особенно при квалификации добросовестного приобретения.

В отечественной системе гражданского права наблюдается тенденция к институционализации добросовестности как формализованной правовой категории, что, однако, не устраняет рисков произвольной трактовки в судебной практике, поскольку отсутствие универсальной дефиниции обуславливает значительную зависимость от индивидуальной правовой интерпретации, затрудняя, тем самым, предсказуемость правового регулирования и правовую определенность. Из вышеизложенного вытекает, что рациональная правовая стратегия, применяемая в российском контексте, должна быть ориентирована не на разработку универсального нормативного определения принципа добросовестности, но на развитие институционального обеспечения его действия через детальное нормативное оформление условий договоров, расширение прецедентной практики высших судов и совершенствование правовой квалификации юристов, что в совокупности способно усилить применимость и интерпретируемость добросовестности как инструмента правового регулирования.

Следовательно, добросовестность в своей позитивной форме охватывает поведенческие характеристики участников гражданского оборота, включая честность, доверие, правдивость, доброжелательность, гуманность, равенство и уважение, тогда как в негативной – запрещает злоупотребление правами и недобросовестное поведение, препятствующее реализации справедливости и устойчивости правового порядка, формируя тем самым совокупный правовой и этико-социальный стандарт поведения, способный интегрироваться в нормативную структуру как правовое и моральное обязательство [11].

В контексте актуализации принципа добросовестности как нормативного вектора правоприменительной практики и доктринального концепта, значительное внимание заслуживает анализ конкретных дел, рассматривавшихся судебной системой Российской Федерации, с тем чтобы выявить степень внедрения этого принципа в механизмы судебного правосудия, охарактеризовать трансформацию подходов высшей судебной ин-

станции к его содержательному наполнению и юридической интерпретации. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.12.2023 по делу № 44-КГ23-18-К7 Верховный Суд РФ выступил с правовой позицией, акцентированной на принципе добросовестности. Высшая судебная инстанция указала на недопустимость возложения ответственности за подобную техническую ошибку на потребителя. Суд подчеркнул, что именно на профессиональном участнике оборота – банке – лежит обязанность по корректной обработке платежей, а задержка в два дня и незначительная задолженность не могут служить основанием для отказа в признании обязательства исполненным [5].

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2 содержательно затрагивает правовую оценку дистанционного заключения кредитного договора при помощи интерфейса интернет-банкинга. Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая дело в кассационном порядке, акцентировал внимание на том, что поведение банка носило недобросовестный характер, так как не обеспечивало должной прозрачности и защищенности процедуры заключения договора, что нарушило принципы справедливости, информационной доступности и правовой безопасности. Добросовестность, как указал суд, требует не только соблюдения форм, но и содержания, а потому все решения были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение [4].

Наиболее показательной иллюстрацией применения принципа добросовестности в классической купле-продаже выступает Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № 16-КГ23-57-К4. Верховный Суд Российской Федерации расценил сокрытие информации о залоге как юридически значимое обстоятельство, нарушение которого свидетельствует о недобросовестности поведения продавца, что и обусловило отмену принятых ранее судебных актов [3].

Обобщая рассмотренные кейсы, можно сделать обоснованный вывод о том, что Верховный Суд Российской Федерации активно реализует принцип добросовестности как доктринальную и правоприменительную конструкцию, придавая ему функциональную роль компенсаторного механизма в условиях нормативной неопределенности и правового формализма. Вместе с тем эмпирический анализ судебной практики свидетельствует о наличии диспропорции между нормативно-активной правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, ориентированной на расширительное и аксиологически обоснованное толкование принципа добросовестности, и устойчивой тенденцией к формально-догматической интерпретации норм гражданского права со стороны нижестоящих судебных инстанций, что обуславливает фрагментарность правоприменительной практики и снижает степень нормативной согласованности в пределах юрисдикции. Указанное расхождение, тем не менее, позволяет выявить позитивную тенденцию – становление добросовестности не только как этико-правового ориентира, но как практикоориентированной категории, способной трансформировать судебную аргументацию и укрепить доверие граждан к судебной системе. Тем самым укрепляется убеждение, что добросовестность в ближайшей перспективе получит окончательное институциональное признание не как декларативный принцип, но как действенный критерий, формирующий правосознание участников гражданского оборота.

Формулируя предложения по кодификационному закреплению принципа добросовестности в системе российского гражданского права, необходимо исходить из методологической установки на институционализацию данного принципа как нормативного конструкта, способного выполнять не только аксиологическую и компенсаторную функции, но и служить нормативно-консолидирующим механизмом, обеспечивающим правовую предсказуемость и устойчивость частноправового регулирования (табл. 1).

Таблица 1

Предложения по совершенствованию доктрины и кодификации добросовестности в Гражданском кодексе РФ.

Table 1

Proposals for improving the doctrine and codification of good faith in the Civil Code of the Russian Federation.

№	Проблема	Предложение кодификационного внесения	Прогнозируемая правоприменительная проекция
1	Факт отсутствия легальной дефиниции добросовестности порождает аксиологическую неопределенность и создает широкое поле для произвольного усмотрения суда	Дополнить п. 3 ст. 1 ГК РФ нормой: «Добросовестностью признается поведение субъекта, соразмерное общеутвержденным в гражданском обороте стандартам честности, справедливости и взаимного доверия, направленное на исполнение обязательств без злоупотребления субъективными правами»	Наличие нормативно эксплицированной дефиниции нивелирует коллизии толкования, формирует единый юридический «эталон поведения» и уменьшает вероятность принятия решений, основанных на субъективной моралистике вместо правового критерия

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

2	Недостаточная спецификация добросовестности по стадиям гражданского оборота препятствует формированию ясных поведенческих стандартов для субъектов	Инкорпорировать в ст. 10 и ст. 307 ГК РФ трехфазную модель: а) при возникновении обязательства – раскрытие существенной информации контрагенту; б) при исполнении – запрет тактики «стратегического бездействия», препятствующей достижению цели договора; в) при прекращении – недопустимость злоупотреблений, направленных на искусственное уклонение от расчетов	Дифференцированная норма задает четкие вехи добросовестного поведения, облегчает доказательственную квалификацию нарушений и стимулирует контрагентов заблаговременно устранять информационную асимметрию
3	Отсутствие презумпции добросовестности и нормативных индикаторов недобросовестности усложняет доказательственный процесс и порождает процессуальную энтропию	Закрепить в ст. 10 и ст. 168 ГК РФ презумпцию добросовестности с возможностью опровержения при наличии: – умышленного утаивания юридически значимых фактов; – конфликта интересов, затрагивающего баланс сторон; – систематического нарушения условий без разумного обоснования.	Перераспределение бремени доказывания дисциплинирует стороны, ускоряет судебное разбирательство и снижает транзакционные издержки на сбор доказательственной базы, формируя предсказуемый процессуальный алгоритм
4	Декларативность принципа, недостаточно «вшитого» в отраслевые институты, ограничивает его практическую эффективность	а) В ст. 431.1 ГК РФ прямо квалифицировать раскрытие обстоятельств до заключения договора как проявление добросовестности; б) в ст. 168.1 ГК РФ расширить перечень злоупотреблений, включив «симулятивное согласие»; в) в ст. 10 ГК РФ дополнить каталог манипулятивных действий	Институциональное закрепление превращает добросовестность в операциональный элемент, позволяющий судам квалифицировать конкретные нарушения без абстрактных ссылок, а хозяйственным субъектам – корректировать внутренние процедуры обеспечения соответствия
5	Возможность обхода закона через формальное соблюдение буквы при нарушении духа нормы остается без механизма блокировки	В ст. 168.1 ГК РФ внедрить концепцию «юридической недействительности поведения»: действие, формально соответствующее закону, но противоречащее добросовестности, объявляется ничтожным	Инструмент создает раннее «отсекающее» звено, нивелируя злоупотребление формой, и восстанавливает ценностное равновесие, тем самым совершенствуя контроль за корпоративными схемами, построенными на формальном легализме

На фоне все возрастающей необходимости правовой системности и предсказуемости в гражданско-правовом регулировании становится очевидным, что принцип добросовестности утрачивает статус факультативного аксиологического маркера и требует преобразования в строго институционализированную норму, функционально встроенную в структуру правового регулирования через нормативно фиксированные модели поведения. При этом именно кодификационная конкретизация, как способ устранения неопределенности, снижения степени оценочности и обеспечения единообразия правоприменения, способна сыграть интеграционную роль между законодательной абстракцией и судебной конкретикой, упрочив позицию добросовестности как универсального инструмента правовой коррекции.

В условиях, когда правовая реальность требует баланса между формой и содержанием, формализмом и гибкостью, процедурой и ценностью, принцип добросовестности становится тем системным регулятором, который, обладая высокой адаптивной потенцией, может быть институционализирован не в ущерб предсказуемости, но в ее пользу. Именно поэтому дальнейшее развитие механизма добросовестности предполагает не поиск универсальной дефиниции, а проектирование нормативной инфраструктуры, позволяющей задавать параметры допустимого поведения, фиксировать пределы отклонения от правомерности и одновременно обеспечивать юристов и судей устойчивыми правовыми ориентирами при оценке частных конфликтов.

Таким образом, принцип добросовестности, обладая свойством нормативной адаптивности, может быть преобразован в устойчивую правовую категорию, если будет обеспечено его системное закрепление в законодательстве, теоретическая определенность в научной доктрине и единообразие в судебной практике. В совокупности это позволит рассматривать данный принцип не как абстрактное декларативное положение, а как практический механизм развития и упорядочивания гражданско-правового регулирования в современной правовой системе России.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Проведенное теоретико-догматическое исследование позволило обосновать необходимость трансформации принципа добросовестности в гражданском праве Российской Федерации из аксиологически неопределенной категории в нормативно детализированную правовую конструкцию, обладающую четкими формальными признаками, правоприменительной верифицируемостью и доктринальной воспроизводимостью. Принцип добросовестности, несмотря на его широкую нормативную представленность в положениях Гражданского кодекса РФ, продолжает функционировать преимущественно как гибкая оценочная рамка, не обладающая достаточным уровнем юридической конкретизации, что препятствует формированию единообразной правоприменительной практики и порождает высокий уровень неопределенности при разрешении гражданско-правовых споров.

В рамках статьи были обоснованы и структурированы предложения, направленные на институционализацию добросовестности как правового инструмента, применимого в логике конкретных поведенческих моделей субъектов гражданского оборота. Поддержана необходимость легализации дефиниции принципа добросовестности, нормативной дифференциации его проявлений по фазам обязательства, установления презумпции добросовестности с нормативными индикаторами ее опровержения, а также нормативной интеграции данного принципа в ключевые положения о заключении, исполнении и прекращении договоров. Особое значение придается переходу от негативной функции (запрет злоупотреблений) к позитивной (обязанность кооперативного поведения).

Научное и прикладное значение предложенного подхода заключается в формировании концептуального основания для гармонизации нормативного регулирования и судебной интерпретации, что в перспективе позволяет рассматривать принцип добросовестности не как декларативный ориентир, а как полноценный механизм внутренней согласованности гражданско-правового регулирования. Закрепление принципа добросовестности в Гражданском кодексе как отдельного нормативного института позволит устранить неопределенность в правовом регулировании, уменьшить различия в судебных решениях по схожим делам, повысить предсказуемость правоприменения и обеспечить более четкую согласованность норм, регулирующих обязательственные отношения.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.
2. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1-4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 2.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № 16-КГ23-57-К4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=792615> (дата обращения: 08.03.2025)
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=748987> (дата обращения: 03.03.2025)
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.12.2023 по делу № 44-КГ23-18-К7 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797686> (дата обращения: 08.03.2025)
6. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 489 – 522.
7. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49 – 52.
8. Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7. С. 132 – 139.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / предисл. А.М. Бабкина. 7-е изд. М.: Рус. яз., 1978. Т. 1. 688 с.
10. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. М.: Статут, 2021. 457 с.
11. Долматов Е.Н., Галятдинов Р.Р., Сандаков В.Д. Принцип добросовестности в российском гражданском праве // Образование и право. 2024. № 10. С. 300 – 304.
12. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. 767 с.

13. Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 62 – 67.
14. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность: учебное пособие. М.: СТАТУТ, 2010. 423 с.
15. Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров. Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. М.: Статут, 2003. 323 с.
16. Чуканов С. Н. Понятие принципа добросовестности в гражданском праве и негативные аспекты применения // Молодой ученый. 2021. № 27. С. 231 – 234.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 1994. No. 238-239.
2. Federal Law of 30.12.2012 No. 302-FZ "On Amendments to Chapters 1-4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 1. Art. 2.
3. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.11.2023 No. 16-KG23-57-K4 [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=792615> (date of access: 08.03.2025)
4. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.01.2023 No. 5-KG22-121-K2 [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=748987> (date of access: 03.03.2025)
5. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.12.2023 in case No. 44-KG23-18-K7 [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797686> (date accessed: 08.03.2025)
6. Agarkov M.M. The Problem of Abuse of Rights in Soviet Civil Law. Selected Works on Civil Law. Moscow: Center YurInfoR, 2002. P. 489 – 522.
7. Belov V.A. Good Faith, Reasonableness, Justice as Principles of Civil Law. Legislation. 1998. No. 8. P. 49 – 52.
8. Vitryansky V.V. Civil Code and Court. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1997. No. 7. P. 132 – 139.
9. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. preface by A.M. Babkin. 7th ed. Moscow: Rus. language, 1978. Vol. 1. 688 p.
10. Dozhdev D.V. European tradition of private law: studies on Roman and comparative law: in 2 volumes. Moscow: Statut, 2021. 457 p.
11. Dolmatov E.N., Galyatdinov R.R., Sandakov V.D. The principle of good faith in Russian civil law. Education and Law. 2024. No. 10. pp. 300 - 304.
12. Zhalinsky A., Roericht A. Introduction to German law. Moscow: Spark, 2001. 767 p.
13. Krasnova S.A. Definition of the concept of "good faith" in Russian civil law. Journal of Russian Law. 2003. No. 3. P. 62 – 67.
14. Lukyanenko M.F. Evaluation concepts of civil law: reasonableness, good faith, materiality: a tutorial. Moscow: STATUTE, 2010. 423 p.
15. Rosenberg M.G. International sale and purchase of goods. Commentary on legal regulation and dispute resolution practice. Moscow: Statut, 2003. 323 p.
16. Chukanov S.N. The concept of the principle of good faith in civil law and negative aspects of application. Young scientist. 2021. No. 27. P. 231 – 234.

Информация об авторе

Газизуллина Л.З., кандидат юридических наук, доцент, Институт управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2464-4241>, Author ID: 746452; 56540018300, 420008, Казань, ул. Кремлевская, дом 18, каб. 205а